

Воспоминания йоркширского натуралиста (Продолжение)¹

У.К. Уильямсон

Глава V

*Начало обучения на медицинском факультете Университетского колледжа Лондона. – Преподавательский состав. – Сокурсники. – Поиски *Fritillaria meleagris*. – Геологическое общество. – Сирийские ископаемые. – Жизнь в мансарде. – Экспедиция на Нигер. – Университетские шапочки и мантши. – Выпускные экзамены. – Возвращение в Манчестер. – Начало практики. – Операция по поводу косоглазия. – «Знаки творения» Мантелла. – «Калтепер» моего отца. – Мистер Джозеф Сайдботэм. – Микроскопические наблюдения. – Избрание членом Манчестерского литературно-философского общества. – Лайон Плейфер и доктор Джоуль. – Стёрджен. – Картофельная болезнь. – Ясновидение. – Брэйд и гипноз. – Ложный гипноз.*

После отъезда из Манчестера я провел три летних месяца с родителями и занимался латынью, готовясь к сдаче экзамена по этому языку в Обществе аптекарей¹ в начале октября, что мне и удалось успешно сделать. Таким образом, отныне я получил возможность посвятить себя чисто медицинским занятиям; но финансовые трудности все еще тяготили меня. Большие расходы на жизнь в колледже и клинике, а также та плата, которую пришлось внести в конце моего студенчества за вступление в Общество аптекарей и Коллегию хирургов, были серьезны. Однако добрые друзья одолжили мне то, что было необходимо, иначе бы я, должно быть, не сдюжил.

Я уехал из Скарборо в Лондон в последний день сентября 1840 года и поступил в Университетский колледж, почти опустошив свои карманы от взятых в долг средств для оплаты обучения, но мой отец смог прислать мне дополнительную помощь в течение зимнего семестра.

Вскоре я обнаружил разницу между лондонскими и провинциальными школами. С такими людьми, как Куэйн² в анатомии, Шарпей³ в фи-

зиологии, Листон⁴ и Купер⁵ в хирургии, Ч.Б. Уильямс⁶ на кафедре медицины, Грэм⁷ в качестве профессора химии и Линдли⁸ в ботанике, ни один человек с мозгами не мог не учиться.

---

⁴ Роберт Листон (1794–1847) – выдающийся британский хирург. (Ред.)

⁵ Эстли Пэстон Купер, баронет (1768–1841) – выдающийся британский хирург и анатом. (Ред.)

⁶ Чарльз Джеймс Блазиус Уильямс (1805–1889) – британский врач, специалист по заболеваниям грудной клетки. В 1874 году был назначен придворным врачом королевы Виктории. (Ред.)

⁷ Томас Грэм (1805–1869) – британский химик, один из основателей коллоидной химии. (Ред.)

⁸ Записываясь в класс ботаники, молодой Уильямсон обнаружил, что одним из его учителей будет профессор Линдли, которому он посылал много лет назад свои рисунки и описания растений для «Йоркширской ископаемой флоры». Он назвал свое имя: «У.К. Уильямсон». «У.К. Уильямсон», – повторил мистер Линдли. Он посмотрел на бледнолицего, хрупкого парня перед ним и подумал: «О, возможно, сын или внук нашего корреспондента», но спросил: «У.К. Уильямсон откуда?». «Из Скарборо», – ответил юноша, сдерживая улыбку. «Скарборо», – повторил профессор Линдли. «Значит, вы каким-то образом связаны с неким У.К. Уильямсоном, с которым мы некоторое время назад переписывались?» «Я сам имел удовольствие, сэр, переписываться с Вами несколько лет назад». «Вы сами!» И преподаватель ботаники начал задаваться вопросом: кто, студент или профессор, с большей пользой проведет свое время? (Прим. У.К. Уильямсон.)

---

¹ Почтенное общество аптекарей Лондона. Аптекарский закон 1815 года давал Обществу право лицензировать практикующих врачей по всей Англии и Уэльсу. (Ред.)

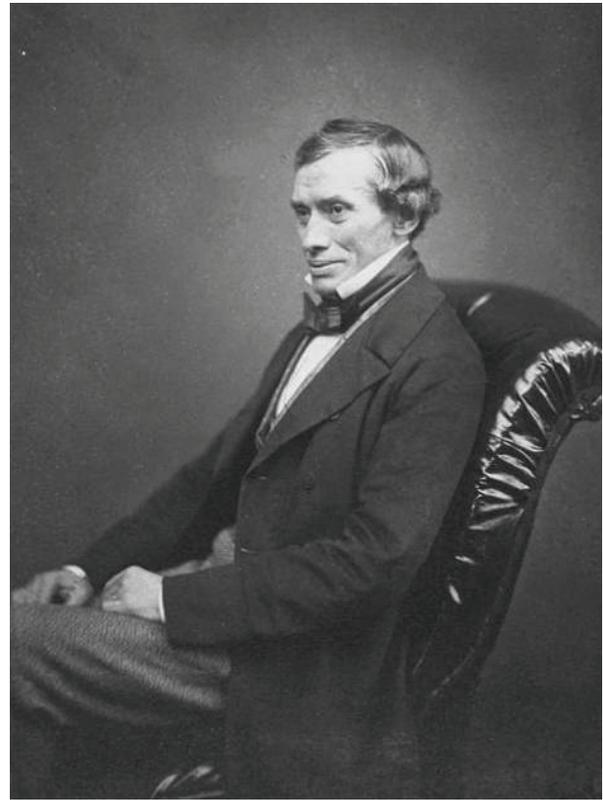
² Ричард Куэйн (1800–1887) – британский анатом и хирург. (Ред.)

³ Уильям Шарпей (1802–1880) – выдающийся анатом и физиолог, считается «отцом британской физиологии». (Ред.)

Кроме них, были многообещающие фельдшеры и хирурги. Ординатором был доктор Джон Тейлор, первый человек, получивший докторскую степень в недавно основанном Лондонском университете. Как прилежный ученик и учитель, он, по моему опыту, не имел себе равных, и если бы он был жив, ничто не помешало бы ему занять самое высокое место среди столичных врачей. Но, к сожалению, усердие, с которым он предавался учебе, вызвало болезнь сердца, которая вскоре вынудила его уехать в провинцию. Он удалился в Хаддерсфилд, его родной город, где сразу же занял ведущее положение в медицине.

Среди моих сокурсников по колледжу было несколько трудолюбивых людей, которые впоследствии достигли высоких профессиональных званий. Сэр Уильям Дженнер⁹ как раз заканчивал свою студенческую карьеру, когда я приступил к своей. Профессор Эриксен¹⁰ и сэр Альфред Гаррод¹¹ неуклонно продвигались к выдающимся должностям, которые они в конечном итоге и заняли и которых достиг бы Эдмунд Паркес¹², если бы ранняя смерть не остановила его многообещающую карьеру. Мой друг по студенческим годам, доктор Чарльз Хэйр, остается им и до сих пор, и теперь, в возрасте семидесяти семи лет, его заботливому уходу во время тяжелой болезни год назад я, вероятно, обязан своей жизнью.

Я воспользовался всеми блестящими преимуществами, которые давала мне такая школа. Я только однажды отсутствовал на своем месте в лекционном зале и клинике, и это было, когда собрат-ботаник, покойный мистер Мур¹³ из Йорка, и я решили прогуляться пешком по лугам между Кью и Мортлейком, чтобы увидеть *Fritillaria meleagris*, растущую на своих родных болотах. В то же время я иногда нарушал моно-

Томас Грэм

тонность учебы, проводя вечер на собрании Геологического общества, находившегося тогда в самом расцвете своей молодой и энергичной карьеры. Там я имел удовольствие общаться с такими людьми, как Седжвик, Мурчисон, Грэм, Лонсдейл, Гринхоу, Джеймс Йейтс¹⁴, маркиз Нортгемптон¹⁵, Мантелл¹⁶, сэр Филип Эгертон, лорд Коул, впоследствии граф Эннискиллен¹⁷, и

⁹ Уильям Дженнер, баронет (1815–1898) – британский врач, занимался изучением различных видов тифа. С 1861 года был личным врачом королевской семьи. (Ред.)

¹⁰ Джон Эрик Эриксен (1818–1896) – британский хирург датского происхождения. Один из придворных врачей королевы Виктории. (Ред.)

¹¹ Альфред Бэринг Гаррод (1819–1907) – британский врач, прославился своими исследованиями подагры. Один из придворных врачей королевы Виктории. (Ред.)

¹² Эдмунд Александр Паркес (1819–1876) – британский врач, прославился как пионер в области гигиены. (Ред.)

¹³ Томас Мур (1821–1887) – британский ботаник и садовник, знаток папоротников Великобритании. (Ред.)

¹⁴ Джеймс Йейтс (1789–1871) – священник унитарной церкви и собиратель древностей. (Ред.)

¹⁵ Спенсер Джошуа Олвин Комpton, маркиз Нортгемптон (1790–1851) – британский аристократ, ученый-любитель, покровитель науки и искусства. В 1820–1822 годах был президентом Лондонского геологического общества, а в 1838–1848 годах возглавлял Лондонское Королевское общество. Проявлял значительный интерес к окаменелостям. (Ред.)

¹⁶ Гидеон Алджернон Мантелл (Мантель; 1790–1852) – британский акушер, геолог и палеонтолог. (Ред.)

¹⁷ Филип де Мальпас Грей Эгертон, баронет (1806–1881) и Уильям Уиллоуби Коул, граф Эннискиллен (1807–1886) – британские политические деятели и палеонтологи-любители. В области палеонтологии прославились своими совместными исследованиями ископаемых рыб. (Ред.)

капитан Бэзил Холл¹⁸ – целая плеяда звезд геологии, от которых не осталось ни одной.

У меня только однажды возникло искушение прикоснуться к практической геологии. Профессор Грэм, впоследствии глава Монетного двора и автор открытия функциональной разницы между коллоидами и кристаллоидами, был чрезвычайно добр ко мне. Он обратился к другу в Сирии с просьбой прислать ему несколько минералов из этого региона, но когда, наконец, прибыл ящик, он обнаружил, что в нем нет ничего, кроме окаменелостей; он передал их мне, чтобы я мог использовать их практически. Они прибыли из Бейрута и Ливана, о геологии которых в то время было известно очень мало. Вскоре я обнаружил, что они представляют величайший интерес и включают окаменелости чрезвычайной редкости; поэтому я составил краткий мемуар с их описанием, который я прочитал в Геологическом обществе¹⁹. Маркизу Нортгемпону, тогдашнему президенту Королевского общества, я был обязан не только привилегией посещать заседания этого общества, но и удовольствием присутствовать на великолепных вечерах, которые президент время от времени давал в своем величественном особняке на Пикадилли.

На протяжении всего периода моего лондонского обучения я жил в маленькой мансарде в доме портного на Графтон-стрит, напротив восточной части Университетской клиники. Мои скудные финансы вынуждали меня соблюдать строжайшую экономию, обычно мой обед состоял из мясных сосисок, которые мне удавалось купить по несколько пенсов за фунт. Они были довольно хороши, и я не задавал никаких вопросов относительно того, из чего они сделаны.

Меня поддерживал настрой, полный надежд, и твердая решимость наилучшим образом использовать те возможности, которые случай мог бы предоставить на моем пути. Тем не менее, я ежедневно работал под тяжелым бременем финансовых тревог, которые временами, помимо моей воли, уничтожали почти всю энергию.

¹⁸ Бэзил Холл (*Базиль Галль*; 1788–1844) – британский мореплаватель, автор многочисленных литературных и научных трудов. Приобрел известность своими исследованиями берегов Восточной Азии, Южной Африки и Южной Америки. В своих путешествиях сделал ряд важных геологических наблюдений. (Ред.)

¹⁹ *Williamson W.C. On some geological specimens from Syria // Proc. Geol. Soc. London. – 1840. – Vol. III. – P. 291–292. (Ред.)*

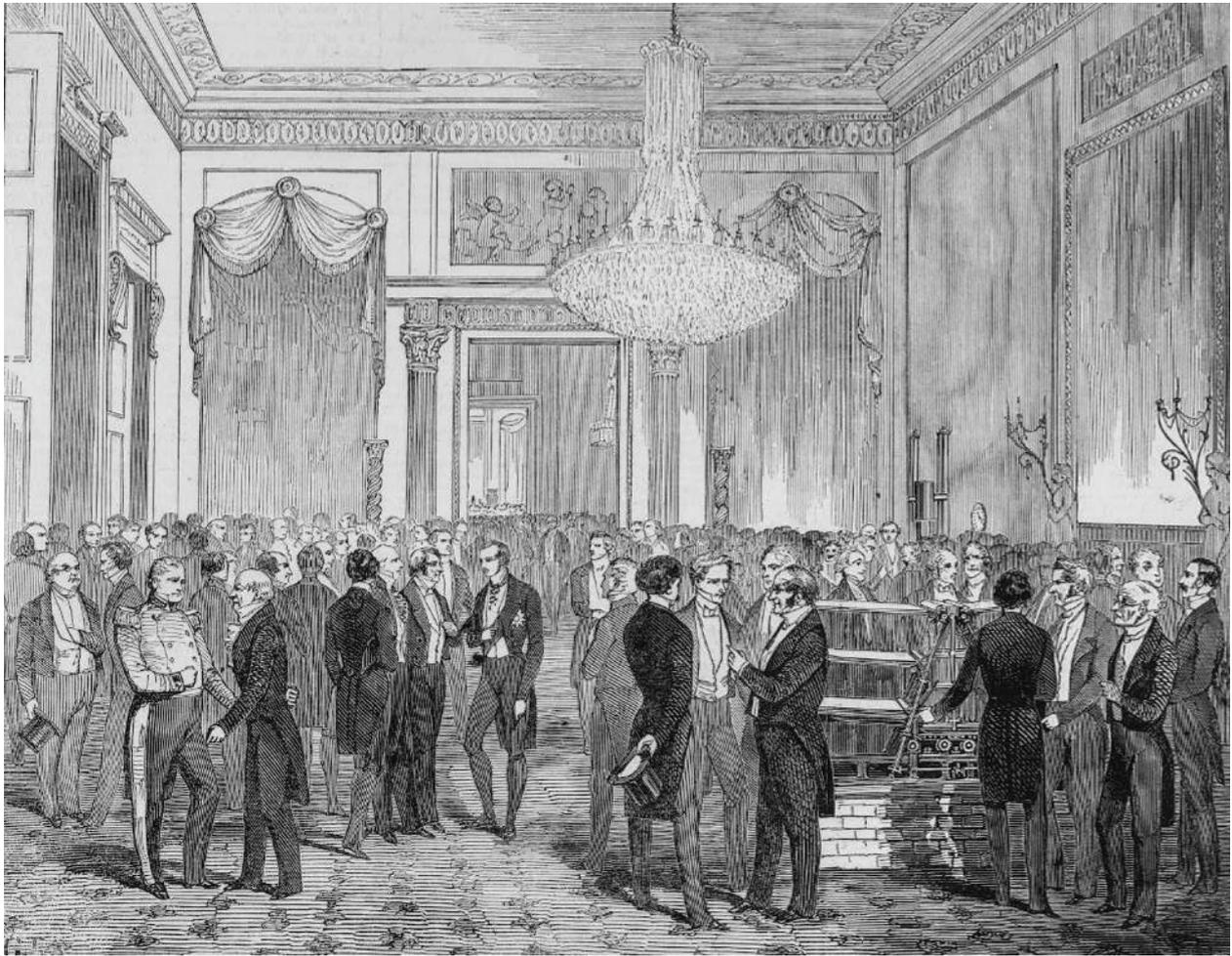

Маркиз Нортгемптон

Перед отъездом из Манчестера я обручился с леди, к которой давно питал привязанность, и в течение этих месяцев беспокойства и переутомления яркие, полные надежды письма, которые я получал от нее, действовали как неизменный стимул и ободрение, спасая меня, я полагаю, от уныния, которое могло стать слишком сильным, чтобы его можно было вынести.

Моя помолвка, по всей вероятности, также спасла меня от того, чтобы моя карьера оборвалась на раннем этапе. Вскоре после свадьбы королевы с принцем Альбертом²⁰, было создано движение за отправку экспедиции, наполовину с благотворительными, наполовину со скрытыми коммерческими целями, вверх по реке Нигер, и в Эксетер-Холле была проведена большая встреча очень влиятельных людей, чтобы продвинуть этот замысел. Заседание, на котором я присутствовал, проходило под председательством принца Альберта, это было его первое появление на публике после женитьбы. Среди выступавших были

²⁰ Свадьба королевы Соединенного королевства Великобритании и Ирландии Виктории (1819–1901) и принца Альберта Саксен-Кобург-Готского (1819–1861) состоялась 10 февраля 1840 года. (Ред.)

Прием для членов Лондонского Королевского общества в особняке маркиза Нортгемптона на Пикадилли (1847 г.).
В центре – принц Альберт

сэр Роберт Пиль²¹, преподобный С. Уилберфорс²², впоследствии епископ Оксфордский, а еще позже Винчестерский, и другие не менее выдающиеся люди.

Вскоре после этого окончился мой зимний семестр в Университетском колледже, я был свободен и бросился в свой дом в Скарборо, чтобы немного отдохнуть и подышать свежим воздухом перед началом летнего медицинского семестра. Однажды, когда я сидел со своим отцом, почтальон вручил ему письмо, которое после

²¹ Роберт Пиль, баронет (1788–1850) – британский политический деятель, дважды занимал пост премьер-министра Великобритании. (Ред.)

²² Сэмюэл Уилберфорс (Вильберфорс; 1805–1873) – религиозный деятель Англиканской церкви. Интересовался естественными науками. В июне 1860 года на публичных дебатах в Оксфорде по поводу книги Ч. Дарвина «Происхождение видов» выступил с резкой критикой его эволюционных воззрений. (Ред.)

прочтения было передано мне. В нем говорилось, что в резиденции лорда Палмерстона²³ состоялось совещание по вопросу об экспедиции на Нигер, на котором было решено назначить натуралиста для сопровождения экспедиции и предложить эту должность мне. Но совещание не было готово прямо связаться со мной без консультации с моим отцом о том, чтобы узнать, даст ли он санкцию на такое соглашение или нет. Будучи уже помолвленным с моей будущей женой, я спешил устроиться врачом в Манчестере и, к счастью для меня, сразу же отклонил это предложение.

Я говорю «к счастью», поскольку экспедиция отправилась в путь и результаты были самыми катастрофическими. Назначение, от которого я

²³ Генри Джон Темпл, виконт Палмерстон (1784–1865) – британский государственный деятель, дважды становился премьер-министром Великобритании. (Ред.)

Свадьба королевы Виктории и принца Альберта

отказался, было принято доктором Стенджером²⁴, с которым я познакомился несколько лет назад и чье имя теперь ассоциируется с замечательным родом саговников, а именно *Stangeria*, который он обнаружил в Южной Африке гораздо позже.

Экспедиция проделала значительное расстояние вверх по реке, но, в конечном счете, остановила свой путь из-за атмосферы, наполненной самыми смертоносными африканскими миазмами. Стало абсолютно необходимым вернуть пароход к побережью, чтобы спасти хотя бы одну жизнь. Но не осталось никого, кто был бы в состоянии управлять кораблем. Команда, капитан и механик были одинаково поражены страшной лихорадкой. Единственными людьми на борту, претендовавшими на здоровье и силу, были мой заместитель, доктор Стенджер, который ничего не знал ни о навигации, ни о паровых двигателях,

и второй человек, который был в равной степени невежествен в этих предметах. Однако времени на промедление не было. Один из этих людей нашел книгу о паровых двигателях и взялся за работу, которую нужно было выполнить внизу, а другой разыскал речные карты и встал у руля. Эти два храбреца вместе успешно привели корабль и оставшихся на нем больных к чистому воздуху открытого моря.

Во время моей первой зимы в Лондоне среди нас началось движение, не впервые в истории колледжа, выступающее за ношение студентами шапочек и мантий, и на мою долю выпало начать дебаты. Официальные лица колледжа смотрели так добродушно на то, что мы делали, что фактически приостановили на день все лекции. Я должен сказать, что люди из Сент-Бартоломью²⁵ и других медицинских школ с большой завистью смотрели на нашу на Гауэр-стрит, которой (я так и не узнал, на каком основании) они дали прозвище «Старая Вонючка»²⁶. Случилось так, что, защищая перемены, за которые мы боролись, я использовал аргумент, согласно которому символы оказывают существенное влияние на мир; что люди знакомы с шапочками и мантиями в Оксфорде, Кембридже и других колледжах как с признаками студенчества и что, поскольку у наших студентов не было такого заметного символа, мы считались колледжем только наполовину.

Лидером оппозиции был бывший студент колледжа, ныне дантист, практикующий вместе со своим дядей, в то время возглавлявшим эту отрасль профессии. Через день или два после нашей встречи из-под его пера появился следующий памфлет, напечатанный одним из медицинских журналов:

«Студенты Сент-Бартоломью и Оксфорда
могут смеяться.
Мистер Уильямсон считает, что выяснил причину,
Почему Университетский колледж получает
так мало овец:
«Старая Вонючка» – колледж лишь наполовину».

²⁵ Медицинский колледж больницы Святого Варфоломея. (Ред.)

²⁶ Как сообщает словарь английского сленга, это прозвище было связано, с одной стороны, с тем, что на месте зданий Лондонского университета ранее находились коровники, а с другой – с тем, что в этот университет, в отличие от других учебных заведений, таких как Оксфорд и Кембридж, допускались неконформисты (т.е. члены английских церковных организаций, не признающих учения государственной англиканской церкви). (Ред.)

²⁴ Уильям Стенджер (Стангер; 1811–1854) – британский естествоиспытатель и врач. (Ред.)

Эстли Купер

Для лондонца эта *jeu d'esprit*²⁷ была неотразима.

Наконец приблизилось время, когда мне предстояло пройти экзамены по медицине в Обществе аптекарей и Коллегии хирургов, которые я благополучно сдал. Моим главным экзаменатором был покойный сэр Эстли Купер. В то время было принято, чтобы каждый студент последовательно сдавал экзамен перед четырьмя столами, за каждым из которых сидели по два экзаменатора. Но в этот раз один из столов был пуст. После того, как Купер и его коллега закончили со мной, я вопросительно посмотрел и спросил, куда мне идти дальше; но коллега сэра Эстли, экзаменатор, возразил: «Вы не удовлетворены? Разве вам еще не надоело?» «Только не ему! – сказал сияющий старый баронет с улыбкой. – Очевидно, ему это нравится!»

Моя лондонская деятельность теперь была закончена, и я вернулся в Манчестер с очень смутными представлениями о том, что должно произойти дальше. Этот вопрос, однако, вскоре был решен за меня. Два уважаемых друга, мистер Бери из Скарборо, чье имя я уже упоминал, и мистер Джон Мэйсон, известный манчестерский торговец, пришли мне на помощь. Послания от каждого из них были практически одинаковыми, а именно: «Я знаю, что ваши финансы истощены, но вы можете начинать свою медицинскую карьеру и обращаться ко мне за любой суммой денег, которая вам может понадобиться».

Я принял это очень щедрое предложение, последовал их рекомендации и в январе 1841 года установил медную табличку со своим именем на двери дома, в котором сейчас табачная лавка, на углу Уилтон-стрит и Оксфорд-роуд.

Старый друг-медик дал мне несколько отличных практических советов. Он сказал: «Вам придется в течение некоторого времени гораздо чаще спускаться по ступенькам, чем подниматься по ним. Неважно! Завоюйте хорошее отношение прачек и тому подобных людей, и со временем вы услышите, как они рекомендуют вас более богатым семьям, на которые они работают». Я так и сделал и обнаружил, что все прошло успешно, как и было предсказано.

Обычный опыт из жизни большинства молодых практикующих врачей не нуждается в упоминании, но некоторые особые случаи заслуживают внимания. Одной из новейших операций в хирургии, которая привлекла мое внимание незадолго до того, как я покинул Лондон, была та, которая оказалась средством от косоглазия. На практике знание об этой операции не достигло провинции. Сообщение о двух или трех успешных попытках такого рода, предпринятых в Манчестере, распространилось повсюду и, помимо нескольких пациентов, страдавших этим заболеванием, привело ко мне также юношу (за приличную плату), друзья которого хотели, чтобы я принял его в своем доме в качестве ученика врача. И, как следствие, вскоре я получил второго постоянного ученика.

В начале моей карьеры меня назначили медицинским суперинтендантом в большой клуб Вольных братьев²⁸ и, таким образом, разными путями я просуществовал первые два года без необходимости занимать слишком много у моих добрых друзей.

В начале моей карьеры меня назначили медицинским суперинтендантом в большой клуб Вольных братьев²⁸ и, таким образом, разными путями я просуществовал первые два года без необходимости занимать слишком много у моих добрых друзей.

Тем временем я тщательно избегал любого отождествления себя с научными кругами Манчестера, хорошо зная, как ревниво общественность относится ко всем подобным занятиям, пока медик не утвердится окончательно; после этого он может делать все, что ему заблагорассудится.

В июне 1842 года я женился на леди, с которой был так долго помолвлен, и этот шаг оказался началом счастливой карьеры. Примерно в это

²⁷ Остроумная шутка (*фр.*).

²⁸ Международное тайное общество, наподобие масонских лож. (*Ред.*)

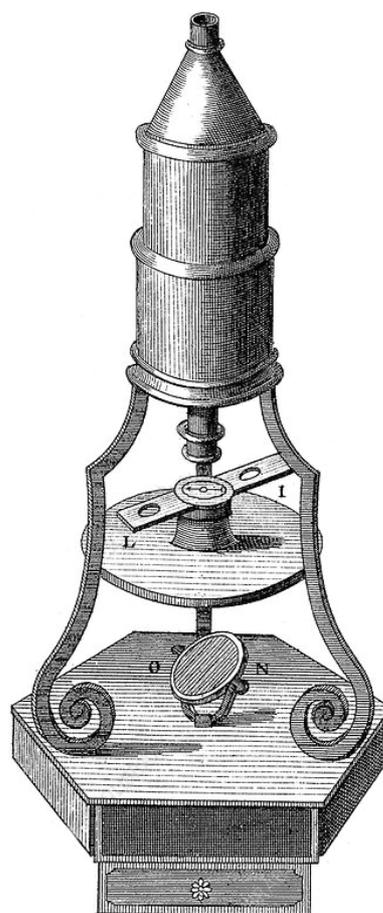
же время внешне незначительный инцидент привел к переходу к более научным занятиям. Моя жена и я однажды присоединились к обществу, собиравшемуся за чайным столом у знакомой вдовы-методистки, которая, по убеждению моей жены, была бы очень рада, если бы мы это сделали. Трудно представить себе какой-либо кружок, менее способный оказать на меня научное влияние, чем тот, в который мы обещали вступить. Тем не менее, именно это и произошло. Вечером к собравшимся присоединился воспитанный и интеллигентный молодой племянник нашей хозяйки и спросил меня, видел ли я новую работу доктора Мантелла «Знаки творения»²⁹. Я был вынужден ответить отрицательно, и он любезно предложил одолжить мне свой экземпляр, что и сделал день или два спустя.

Просматривая эту интересную книгу, я наткнулся на несколько отрывков, в которых автор кратко излагал теперь хорошо известное открытие Эренберга³⁰ о том, что природный мел на самом деле состоял в основном из массы микроскопических известковых раковин. Пораженный этой информацией, я, естественно, страстно желал увидеть эти объекты, но у меня не было микроскопа. Однако я вспомнил, что у моего отца в Скарборо был старый «Калпепер», который я попросил его прислать мне. Несчастный старый прибор, конечно, показал эти мельчайшие организмы, хотя и очень неотчетливо. Затем я обратился за помощью к мистеру Дэнсеру³¹, известному оптику из Манчестера, чтобы внести некоторые изменения в старый прибор, чтобы придать ему большую разрешающую способность. Это было достигнуто в небольшой, но неудовлетворительной степени.

В то время Дэнсер конструировал несколько красивых, но, на мой взгляд, очень дорогих микроскопов, которые были мне недоступны. Тем временем я лично познакомился с доктором Мантеллом, и мы почти еженедельно обменивались письмами. Отчасти под его влиянием, а отчасти благодаря общению с мистером Джозефом

Гидеон Алджернон Мантелл

Микроскоп типа «Калпепер»

²⁹ *Mantell G.A.* The medals of creation; or, First lessons in geology, and in the study of organic remains. – L.: Henry N. Vonn, 1844. (Ред.)

³⁰ *Христиан Готфрид Эренберг* (1795–1876) – немецкий естествоиспытатель, один из основателей микропалеонтологии. (Ред.)

³¹ *Джон Бенджамин Дэнсер* (1812–1887) – оптик, производитель разнообразных научных приборов, автор многочисленных изобретений. Считается первым разработчиком научной микрофотографии. (Ред.)

Лайон Плейфер

Уильям Стёрджен

Сайдботэмом³², тогда молодым торговцем, но уже увлеченным энтомологом, а также ботаником-практиком, изучавшим, в частности, низших Confervae, Diatomaceae и Desmidiaceae, и который в конечном итоге стал главой одной из старейших фирм набойщиков в Манчестере, я оказался втянутым *nolens volens*³³ в водоворот микроскопических наблюдений, которые, в конечном счете, стали в значительной степени делом моей жизни – совершенно неожиданный результат моего визита на чаепитие к престарелой вдове.

Прогресс в моей профессиональной деятельности заставил меня меньше бояться того, что мои научные занятия в часы досуга станут известными, и я был избран членом Манчестерского литературно-философского общества и с тех пор посещал его собрания. На одной из таких встреч мне был представлен молодой человек по имени Плейфер³⁴, недавно приехавший из Германии. На собрании шептались, что у этого юноши есть перевод на английский знаменитой работы Либиха по агрохимии, что оказалось правдой, и перевод вскоре был опубликован. В другой вечер появился молодой и чрезвычайно скромный человек, которого мне представили как мистера Джоуля³⁵. Первый из этих посетителей сейчас барон Плейфер, второй – человек, смерть которого недавно оплакивали все естествоиспытатели и чья статуя сейчас стоит в ратуше Манчестера.

Другим замечательным человеком, много лет жившим в Манчестере, был Уильям Стёрджен³⁶,

³² Джозеф Сайдботэм (1824–1885) – предприниматель в области ситценабивной промышленности и натуралист-любитель. Один из основателей Манчестерского фотографического общества. (Ред.)

³³ Волей-неволей (лат.).

³⁴ Лайон Плейфер, барон (1818–1898) – британский химик и политик-либерал. Некоторое время работал в Гисенском университете у знаменитого немецкого химика Юстуса Либиха (1803–1873), где, очевидно, и познакомился с далее упоминаемой книгой Либиха «Die organische Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie» (1841). В 1853 году Плейфер был назначен секретарем Департамента науки и искусства, в этом качестве он выступал, в частности, за использование отравляющего газа против русских в Крымской войне 1853–1856 годов. (Ред.)

³⁵ Джеймс Прескотт Джоуль (1818–1889) – знаменитый британский физик. (Ред.)

³⁶ Уильям Стёрджен (1783–1850) – британский физик-электротехник и изобретатель. (Ред.)

Джеймс Прескотт Джоуль

электротехник. Он родился в обстоятельствах, настолько неблагоприятных для научных занятий, насколько можно себе представить, и отслужил много лет рядовым в артиллерии; тем не менее, будучи самоучкой, он приобрел такие знания французского, немецкого и итальянского, которые позволили ему читать научные труды на всех этих языках. В книге «Столетие науки в Манчестере» доктора Энгуса Смита³⁷ дается список из пятидесяти более или менее важных мемуаров, написанных им, большинство из которых о магнетических и электрических явлениях. Доктор Джоуль показал, что Стёрджен, несомненно, был создателем электромагнита, а также

конструктором первого роторного магнитного двигателя. Доктор Джоуль говорит о нем: «Можно ли усомниться в том, что за исключением Дальтона, научное сообщество Манчестера когда-либо испытывало более тяжелую потерю, чем смерть Стёрджена».

В 1845 году разразилась ужасная картофельная болезнь, которая привела к стольким политическим и социальным переменам³⁸; различные комитеты, в нескольких из которых я заседал, были выбраны из числа ученых Манчестера, чтобы исследовать ее причины и средства лечения. Была проделана большая работа по сохранению клубней после извлечения из земли, но теперь я знаю, что тогда еще не пришло время для выявления и устранения причин этого бедствия. Только в конце года, когда картофель был выкопан, обнаружилось широкое распространение болезни и то, что вред был нанесен в начале лета. Ботаники не были знакомы с жизненным циклом гриба *Peronospora infestans*, который напал и уничтожил молодые зеленые надземные части растений и воспрепятствовал образованию зерен крахмала, кото-

рые должны были заполнить клетки клубней, но этого не произошло, потому что они были таким образом разрушены.

В течение 40-х годов этого столетия в общественных кругах широко обсуждалась тема яснovidения, и в первые дни моей профессиональной деятельности Манчестер посетили два человека, которые читали лекции на эту тему. Первым из них был француз³⁹, который проиллюстрировал свою лекцию экспериментами над молодой женщиной. На одной из его лекций было объявлено, что девушка находится в состоянии глубокого сна. Присутствовало значительное число

³⁷ Роберт Энгус Смит (1817–1884) – британский химик, ученик Юстуса Либиха. В 1883 году опубликовал книгу «A centenary of science in Manchester (in a series of notes)». (Ред.)

³⁸ Речь идет о болезни картофеля, ныне называемой *фитофторозом*. В 1845–1849 годах она привела к величайшему голоду в истории Ирландии, вызвавшему гибель около миллиона человек. (Ред.)

³⁹ Шарль Леонар Лафонтен (1803–1892) – франко-швейцарский магнетизер. (Ред.)

Джеймс Брэйд

врачей, включая нашего ведущего офтальмолога мистера Уилсона и некоего мистера Брэйда⁴⁰. Последний джентльмен был весьма громогласен в своем осуждении этого дела. Затем аудитория обратилась к мистеру Уилсону с просьбой высказать свое мнение о представлении. Конечно, вопрос заключался в том, является ли это представление честным или это обман? Действительно ли девушка спит, или она только притворяется? В ответ на призыв аудитории мистер Уилсон встал и сказал: «Все это самое большое надувательство [humbug], которое я когда-либо видел».

Возмущенный лектор, не знакомый с английскими жаргонными выражениями, взволнованно ответил: «Джентльмен говорит, что “это все *болото* [bog]”; я говорю, что это не *болото*; в этом вообще нет *болота*». К тому времени некоторые из нас, включая мистера Уилсона, поднялись на сцену, чтобы осмотреть девушку. Я сразу же поднял ее веки и обнаружил, что зрачки сузились до двух маленьких точек. Я обратил внимание Уилсона на это свидетельство крепкого сна, и он сразу же посмотрел на меня и тихо присвистнул,

⁴⁰ Джеймс Брэйд (1795–1860) – британский хирург, считается одним из пионеров научного изучения гипноза. (Ред.)

сознавая, что попал впросак. Затем Брэйд проверил девушку, воткнув булавку между одним из ее ногтей и концом пальца. Она не проявляла ни малейших признаков боли, и Брэйд вскоре пришел к выводу, что это было вовсе не «болото». Впоследствии он начал длинную серию сложных экспериментов, которые закончились тем, что он поставил предмет на более научную основу, чем это было сделано любым из его предшественников.

Термин «животный магнетизм» и другие популярное словосочетания были заменены на «гипнотизм» и «моноидеизм».

Гипотеза, которую он принял, заключалась в том, что от объектов этих экспериментов требовалось, чтобы их умственные способности были сосредоточены на одной идее; это приводило к тому, что через несколько мгновений достигались два эффекта. Первое – это состояние глубокого сна, которого ему удавалось достичь посредством нескольких чувств: зрения, слуха или осязания; но его любимым способом было усадить пациента в кресло, в то время как он держал яркий серебристый предмет, обычно свой ланцет, в нескольких дюймах над бровями человека и требовал, чтобы он поднял глаза вверх, пока не увидит блестящий металл, и вскоре после этого пациент погружался в глубокий сон. Но последовал еще более замечательный результат, указывающий на состояние ума, которое легче проиллюстрировать, чем объяснить.

Однажды я позвал Брэйда навестить молодого человека, который ужасно страдал от череды эпилептических приступов, не поддававшихся медикаментозному лечению. Что касается эпилепсии, то лечение гипнозом имело полный успех; парень, долгое время терпевший многочисленные ежедневные приступы, почувствовал полное облегчение после трехдневных гипнотических сеансов. Пять последующих лет, в течение которых юноша оставался под моим наблюдением, эпилепсия не возвращалась.

Брэйд всегда выводил своих подопытных из гипнотического состояния, резко хлопая в ладоши рядом с ушами спящих, что сразу же пробуждало их. Однажды, прежде чем сделать это, Брэйд сказал мне: «Сейчас я покажу Вам еще один эффект гипноза. Одолжите мне свою записную книжку и карандаш». Я так и сделал. Затем он вложил книгу в левую руку мальчика, которую поднял в удобное положение перед его грудью. Мой карандаш был вложен в его правую руку, которая была поднята в такое положение,

что кончик карандаша упирался в одну из страниц книжки. Это соотношение жестко сохранялось до тех пор, пока Брэд не прошептал ему на ухо: «Напиши свое имя и адрес». Парень так и сделал. «Джон Эллис, Ллойд-стрит, Манчестер». После этого, записная книжка и карандаш были возвращены в мой карман. Затем Брэд разбудил мальчика и спросил: «Джон, что ты делал только что?» На мгновение он довольно дико огляделся по сторонам и твердо ответил: «Ничего». Затем Брэд снова погрузил его в сон. Снова был задан вопрос: «Джон, что ты делал только что?» Мальчик ответил быстро, но тихим голосом: «Писал свое имя и адрес».

Последовательность подобных экспериментов ясно указала на две вещи: во-первых, что загипнотизированный индивид будет делать то, что ему было сказано; во-вторых, что вещи, сделанные в этом состоянии, вспоминались только тогда, когда то же самое состояние возобновлялось. В противном случае они забывались, что указывает на двойственное состояние ума, которое до сих пор, насколько я знаю, еще не было удовлетворительно объяснено. Я не слышал, чтобы этот метод Брэда экспериментального исследования и научной индукции был продолжен кем-либо с тех пор, как он умер.

Второй посетитель Манчестера был другого типа. Он казался человеком с некоторым финансовым положением в мире, поскольку вел себя как джентльмен и держал яхту, юнгой на которой, как говорили, был парень, которого он привез с собой в Манчестер. Было подтверждено, что этот молодой человек был ясновидящим и мог видеть и читать, несмотря на то, что его гла-

за были залеплены пластырем. Несколько человек из аудитории пригласили наклеить этот пластырь, и после того, как они это сделали, парень, конечно же, читал также легко, как и раньше. Я сразу же выразил недовольство этой проверкой, и некоторые из зрителей попросили меня самого закрыть его глаза этими пластырями. Я попробовал это сделать, но тщательное наблюдение убедило меня, что энергичными движениями мышц, воздействующих на веки, парню удалось ослабить крошечную складку пластыря рядом с глазом; через эту складку ему удавалось читать книги. Я сразу увидел, что это можно прекратить, отрезав длинную полоску пластыря, которая должна была закрывать брови и в то же время связывать края всех пластырей, которыми были закрыты глаза. Чтобы предотвратить любое мышечное действие, нарушающее эту дополнительную повязку, я туго натянул ее вокруг висков и крепко скрепил два конца на затылке. Не успел я сделать это с одним его глазом, как он помешал мне проделать то же с другим; он начал кричать и заявил, что я причиняю ему смертельную боль. Его хозяин мгновенно повернулся ко мне и начал утверждать, что я закрыл ту часть лба парня, которой он на самом деле видел. Затем доверчивые дураки в зале обрушились на меня за то, что я был таким жестоким. Конечно, я бросил это дело и вернулся на свое место. На следующий день несколько друзей-медиков встретились с этими двумя людьми в их отеле и залепили глаза мальчику маленькими шариками сапужной ваксы; способность видеть у ясновидящего сразу же пропала, они уехали, и впоследствии о них больше ничего не было слышно.

(Продолжение следует)